Г. В. Михеева

Михаил Иванович Антоновский – основатель Императорской Публичной библиотеки

История создания Императорской Публичной библиотеки вот уже более двух столетий продолжает волновать исследователей отечественной культуры, созданы монографии, посвященные деятелям, стоявшим во главе формирующейся Библиотеки в первые годы ее создания в конце XVIII – начале XIX в. А между тем вне сферы внимания долгие годы оставалась фигура Михаила Ивановича Антоновского – писателя, историка, переводчика, одного из самых просвещенных людей этого времени. Ему суждено было жить и творить в непростое время русской истории – во времена Н. И. Новикова, А. Н. Радищева, распространения масонства в России, реакции правительства на Великую Французскую революцию, при царствовании трех императоров – Екатерины II, Павла I и Александра I, по-разному понимавших роль и место создававшейся национальной библиотеки, бороться с иностранным засильем в ней, предотвращать ее расхищение и расформирование.

Ключевые слова: Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Екатерины II, Императорская Публичная библиотека, история библиотеки, Российская национальная библиотека

Galina V. Mikheeva

Mikhail Ivanovich Antonovsky – founder of the Imperial Public Library

The history of the creation of the Imperial Public Library for more than two centuries has continued to excite researchers of Russian culture. Monographs have been created dedicated to the figures who stood at the head of the emerging Library in the first years of its creation in the late 18th – early 19th centuries. Meanwhile, the figure of Mikhail Ivanovich Antonovsky, a writer, historian, translator, one of the most enlightened people of that time, remained outside the sphere of attention for many years. He was destined to live and create in a difficult time of Russian history – during the time of N. I. Novikov, A. N. Radishchev, the spread of Freemasonry in Russia, the government's reaction to the Great French Revolution, during the reign of three emperors – Catherine II, Paul I and Alexander I, who understood in different ways the role and place of the national library that was being created, to fight foreign dominance in it, to prevent its plundering and disbandment.

Keywords: N. I. Novikov, A. N. Radishchev, Catherine II, Imperial Public Library, history of libraries, National Library of Russia
DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-180-186

Михаил Иванович Антоновский родился 30 сентября 1759 г. в полковом сотенном местечке Борзна Черниговской губернии. Он получил хорошее домашнее образование и в возрасте 14 лет поступил в 1772 г. в Киево-Могилянскую академию. Это высшее учебное заведение было одним из лучших в тот период в Европе и в свое время соперничало по популярности с Ягеллонским университетом. За время ее существования из стен академии вышло много известных выпускников. Здесь было воспитано несколько поколений художников, архитекторов, музыкантов, ученых, значительное число общественных деятелей.

М. Антоновский окончил курс Киево-Могилянской академии в 1779 г. и в числе четырех лучших студентов по своему желанию был отправлен для завершения образования в Московский университет, который в это время выделялся демократическим составом студентов и профессоров. Молодой студент со всей страстью погрузился в занятия. Он принимал участие в многочисленных диспутах исторического, политического, философского, юридического характера, которые проводились в тот период в университете. Про-

фессора отмечали его «редкие способности к высокому понятиям и созерцаниям, тонкое остроумие и быструю проницательность» [1, с. 149]. Он не побоялся вступить в полемику с Вольтером [2], убедительно доказав, что крестовые походы принесли Европе больше пользы, чем утверждал «фернейский затворник» [1, с. 151–152]. Уже в раннем возрасте Антоновский отличался неуживчивым характером и не обращал внимания ни на какие авторитеты. Позднее это не раз осложняло его отношения с окружающими.

Слава молодого ниспровергателя Вольтера распространилась в среде просвещенных московских вельмож, слух о нем дошел через некоторых из них даже до самого наследника престола Павла Петровича. Внимание будущего императора не могло не сыграть определенную роль в судьбе М. И. Антоновского.

Учеба М. И. Антоновского в Московском университете пришлась на так называемое «новиковское десятилетие». Неутомимый труженик на ниве народного просвещения Н. И. Новиков именно в год поступления Антоновского в Московский университет, возглавил университетскую типографию.

Просветительская и филантропическая деятельность Н. И. Новикова, который всегда считал воспитание достойного и полезного гражданина общества важнейшим условием для процветания государства, приобретала невиданный до этого времени в России размах. Москва и, в частности, университет, были в эти годы и крупным центром масонства. Н. И. Новиков был связан с масонством еще в петербургский период своей деятельности, переехав в Москву, он принял активное участие в масонских организациях. В годы учебы в Московском университете М. И. Антоновский подружился с Н. И. Новиковым, принимал участие во многих его начинаниях [3, с. 216]. Не остался он в стороне и от участия в масонских ложах. Антоновский примыкал к русским масонам-мартинистам и занимал в этой ложе довольно видное положение [4, с. 448]. Особо привлекала М. И. Антоновского просветительская деятельность масонов. Тогда же он познакомился с В. С. Поповым – будущим управляющим Кабинетом Е. И. В. Екатерины II, который впоследствии сыграл немаловажную роль в судьбе Антоновского.

В 1781 г. в Москве образовалось Дружеское ученое общество масонского толка, целью его было заявлено распространение в России истинного просвещения, активным членом этого общества стал М. И. Антоновский [5, с. 133–134]. Тогда же было организовано первое в России студенческое общество – «Собрание университетских питомцев» для разработки вопросов морали и литературы. Первым председателем этого студенческого общества был избран М. И. Антоновский [6, с. 138]. В 1782 г. он стал издателем журнала «Вечерняя заря», отличавшегося ярко выраженной масонской направленностью [7, с. 170].

Когда М. И. Антоновский в 1783 г. окончил полный курс университета, встал вопрос о его устройстве на службу. По свидетельствам самого М. И. Антоновского, его дальнейшую судьбу определил будущий император Павел I, который возлагал на юношу надежды, «дабы приготовить его средством надлежащего воспитания к достойному ношению на себе звания важного государственного чиновника» [1, с. 152]. С этой целью Антоновского по предложению вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршала по флоту графа И. Г. Чернышева определили на службу в Адмиралтейств-коллегию, и он переехал в Петербург. Он начал службу в канцелярии в качестве регистратора, чему был несказанно удивлен: ему были обещаны совсем иные горизонты. Однако граф Чернышев успокоил честолюбивого юношу, объяснив сие назначение «для нужного закрытия видов, с коими он взят из университета якобы в адмиралтейскую службу» [1, с. 152].

Служба Антоновского продолжалась. Он жил в доме И. Г. Чернышева на Мойке у Синего моста, построенном в 1766–1768 гг. Ж.-Б.-М. Валлен-Деламотом, и был учителем его детей. В доме своего благодетеля он имел возможность завести знакомство с графом А. С. Строгановым и архитектором В. И. Баженовым. Близкие отношения с семьей И. Г. Чернышева позволили М. И. Антоновскому в 1787 г. сопровождать вице-президента Адмиралтейств-коллегии во время отпуска на лечение за границу. Они посетили Италию, Австрию и Польшу. В Варшаве Антоновскому удалось подробно ознакомиться с библиотекой братьев Залуских. Тогда он не мог и предполагать, какую роль ей предстоит сыграть в его дальнейшей судьбе.

Масонские связи Антоновского не прекращались и в Петербурге. В период службы в Адмиралтейств-коллегии М. И. Антоновский в 1784 г. организовал под своим руководством Общество друзей словесных наук, которое считало себя неотъемлемой частью московского Собрания университетских питомцев и объединяло молодых петербургских литераторов и младших офицеров флота [8, с. 22].

В 1789 г. М. И. Антоновский приступил к изданию ежемесячного журнала «Беседующий гражданин», в котором, подобно другим масонским изданиям, много внимания уделялось самопознанию и самосовершенствованию человека. Журнал «Беседующий гражданин» вошел в историю отечественной журналистики своей известной полемикой с литературно-художественным сатирическим журналом «Почта духов», который издавал знаменитый баснописец И. А. Крылов. Журнал Крылова, как и его басни, носил сатирическую направленность. В нем в переписке под-земных духов критиковались нравы современного общества. Подобные воззрения не могли оставить равнодушным придерживающегося масонских взглядов М. И. Антоновского. Он и открыл полемику, назвав журнал Крылова «Бредни праздного педанта». Язвительный И. А. Крылов не остался в долгу и назвал журнал Антоновского «Бредящим мещанином» [9, с. 264–282].

Журнал «Беседующий гражданин» оказался тесно связан с именем А. Н. Радищева, который участвовал в его издании и в последнем номере 1789 г. опубликовал статью «Беседа о том, что есть сын Отечества», в которой доказывал, что именоваться сыном отечества не может ни раб, ни крепостной крестьянин, лишенные прав. После выхода в свет номера с крамольной статьей журнал был закрыт. Антоновский оставил службу в Адмиралтейств-коллегии, но по-прежнему подолгу сопровождал И. Г. Чернышева в поездках на лечение за границу, где не-

однократно знакомился с Варшавской публичной библиотекой Залуских.

В это время он, прекрасно владевший многими европейскими языками, активно занимался переводами ряда изданий. Антоновский достаточно вольно обращался с произведениями, которые переводил. Так он исправил «применительно к тогдашнему времени и на российском языке издал» [1, с. 161], а фактически переписал заново, книгу С. Ф. Остервальда «Повествовательное землеописание о целом свете». Выпущенный в свет в 1795 г. этот существенно переделанный перевод принес ее переводчику массу неприятностей. В книге оказались изложены факты английской и французской истории, которые были признаны крамолой, книга изъята из продажи, а «всемиловейшая и премудрая монархиня указала объявить Антоновскому свое прощение» [1, с. 161–162] и рекомендовала избрать себе более пристойное занятие, где он мог бы приложить свои недюжинные способности. Выполняя волю императрицы, М. И. Антоновский выразил желание «быть определенным к привезенной в С.-Петербург из Варшавы тамошней бывшей публичной... библиотеке, которая... была хорошо известна, яко драгоценнейшее в целом свете собрание многочисленнейших редких книг всякого рода и на всех почти известных в свете языках» [1, с. 162–163].

По указу Екатерины II трофейная библиотека была передана в ведение управляющего Императорским Кабинетом В. С. Попова, и с 18 июля 1795 г. начался ее первоначальный разбор и учет. В составе группы чиновников, занимавшихся разбором книг и устройством будущей национальной библиотеки Российской империи, с 10 апреля 1796 г. начал работать и М. И. Антоновский, который вскоре стал главным действующим лицом, осуществлявшим подготовку к открытию библиотеки. Казалось бы, наконец-то у М. И. Антоновского появилась служба, соответствовавшая его интеллектуальным и организаторским способностям.

1 июня 1796 г. появился документ, определявший предварительный порядок создания первой национальной библиотеки России, носивший название «Мнение, каким образом можно бы изготовить Варшавскую, или так называемую Залуских, библиотеку к будущему 1797 году, Сентября к 22-му числу так, чтобы она могла быть выставлена зрению и употреблению общему в устроенном и ученом порядке таком, что и приятна будет зрению и весьма удобна к употреблению». Автором его был М. И. Антоновский, который к этому времени стал центральной фигурой во всех работах по организации Библиотеки. Как знатоку организации библи-

отечного дела в разных европейских государствах ему было поручено разработать схему расстановки книг в новой создающейся библиотеке. Для организации и расстановки книжного фонда он использовал наиболее употребительный в то время в библиотеках систематический порядок.

Современные исследователи высоко оценивают разработанную М. И. Антоновским схему классификации: «Разработка содержания каждой ячейки поражает исключительной для своего времени полнотой... Ничего подобного русская библиотека до XVIII в. не знала. <...> Сущность принципа систематизации и, главное, понимание этой сущности, пропаганда ее составляют творческое достижение русской библиотечной мысли XVIII в.» [10, с. 205–207].

В числе несомненных заслуг М. И. Антоновского перед национальной библиотекой России следует отметить не только его оригинальную систему построения ее фондов и осуществление непосредственного руководства всеми первоначальными работами по организации книжного фонда, его инвентаризации и разбору по содержанию, языкам и форматам. Именно М. И. Антоновскому принадлежит авторство документа, определившего правила жизнедеятельности создающейся национальной библиотеки, – «Начертание Российско-императорской открытой библиотеки» [11].

Особое значение в «Начертаниях» имел второй раздел: «О людях, предположенных как для устройства сей Российско-императорской Публичной библиотеки, ...сиречь для общественного просвещения россиян». Последние слова определяли миссию Библиотеки, которая является актуальной и сегодня.

Патриотические настроения Антоновского нашли отчетливое выражение в сформулированных требованиях, предъявляемых к служащим в Библиотеке чиновникам. Он писал: «Поелику Библиотека сия долженствует быть открыта для всеобщего употребления россиян, то и люди, имеющие быть при оной, должны быть избраны из россиян или же и иностранцев, но разумеющих хорошо, кроме наук, знаний и языков ученых и европейских, по крайней мере... трех, язык российский основательно и правильно, – ибо нужно будет каждому из тех людей, по назначенной ему части, объясняться с приходящими для чтения и наставления в Библиотеку россиянами» [11, л. 20 об.]. Высочайшие требования к сотрудникам Библиотеки, изложенные М. И. Антоновским в этом документе, сохранялись в ней долгие годы и справедливо получили позитивную оценку современных библиотечников [12, с. 82–84].

Анализ текста «Начертаний» позволяет установить, что предполагалась разработка еще

целого ряда нормативных документов: создание правил пользования Библиотекой для читателей, должностных инструкций для библиотечного персонала. С самого начала основания национальной библиотеки планировалось, что обращаться в нее будут не только для прочтения конкретной книги, но и за справочной помощью. Уже в этом документе отчетливо наблюдается разделение Библиотеки на части, подразумевается отраслевое деление ее фондов в соответствии с принятой схемой М. И. Антоновского, т. е. формирование в ней отделенческой системы. Говоря современным языком, от библиотекарей требовались постоянные инновационные усовершенствования деятельности своих подразделений.

Служба, удовлетворявшая внутренним склонностям М. И. Антоновского, шла успешно. Он получил казенную квартиру в доме, относящемся к ведомству Кабинета Е. И. В., и 19 января 1797 г. был произведен в надворные советники с назначением библиотекарем. Это была наивысшая в то время должность в Библиотеке. Назначал его уже император Павел I, и как тут было ни вспомнить, что в свое время наследник престола предопределял высокое предназначение юноше Антоновскому. Казалось, что он навсегда связал свою жизнь со столь любимым ему библиотечным делом. Однако в действительности все сложилось иначе.

На должность главного «надзирающего» за разборкой привезенной библиотеки Залуских и подчинение ему всех чиновников Кабинета, занятых этой работой, был назначен М.-Г. Шуазель-Гуффье, и произошло это ровно через четыре дня после повышения в чине М. И. Антоновского и назначения его на должность библиотекаря. Нет сомнений, что в свете этих событий Антоновский видел себя главным лицом в создающейся национальной библиотеке, и появление на этом посту сиятельного иностранца, не владевшего русским языком (вспомним, какие требования предъявлял Антоновский к главному библиотекарю будущей библиотеки!), не могло не вызвать чувства обиды у одаренного и самолюбивого М. И. Антоновского на свершившуюся несправедливость. Это неизбежно должно было отразиться на его взаимоотношениях с Шуазелем-Гуффье. Так и произошло.

Директор императорских библиотек М.-Г. Шуазель-Гуффье никогда ранее не занимался библиотечным делом. Кроме того, он в силу своего иностранного происхождения вряд ли мог трудиться в полную силу над созданием национальной библиотеки чужого для него государства [13].

Несмотря на то, что вновь назначенный директор императорских библиотек поначалу рассматривал Антоновского в качестве старшего

среди чиновников, занятых работой по разбору привезенной библиотеки, разочарование и обида его не проходили. При этом Антоновский не скрывал своих антигалльских настроений. Вскоре он почувствовал известное охлаждение к нему главного директора императорских библиотек. А вызвано оно было вполне определенными обстоятельствами.

Разбор фондов привезенной библиотеки продолжался, а тем временем было замечено, что в Библиотеке стали пропадать книги. Служители сообщили М. И. Антоновскому об этом, указав, что кражи происходят во время прихода в Библиотеку графа Чацкого с сопровождавшими его лицами.

Граф Тадеуш Чацкий – польский публицист, автор ряда исторических работ, общественный, экономический и государственный деятель, библиофил. Он приходил в любое время дня в помещения Библиотеки, где хранились для разбора книги и рукописи, порой в сопровождении других лиц, ссылаясь на то, что они оказывают ему необходимые консультации. Вот как описывал впоследствии эту ситуацию М. И. Антоновский: «Присяжные сторожа из инвалидов, бывшие вчера в библиотеке дневальными, донесли мне, что Ваше Сиятельство... в их глазах взяли две латинские книги в синем бумажном переплете и положили их в свои карманы» [14].

Одновременно М. И. Антоновский сообщил об этом случае Шуазель-Гуффье. Однако главный директор отчитал Антоновского и не дал ход его бумаге [1, с. 168]. Можно только предполагать причину столь небрежного отношения директора императорских библиотек к подобному беспрецедентному случаю, произошедшему во вверенной ему Библиотеке.

Библиофильские интересы графа Т. Чацкого были широко известны: книги, рукописи, древние манускрипты граф собирал всю жизнь, не всегда пользуясь дозволенными способами приобретения интересовавших его изданий, и готов был на все. В истории Библиотеки, подготовленной к 100-летию открытия ее для читателей, отмечалось: «до 30 000 томов было похищено гр. Чацким» [15, с. 12]. Так что претензии М. И. Антоновского к графу Т. Чацкому с полным основанием следует признать обоснованными. Из-за выдвинутых Антоновским обвинений его взаимоотношения с Шуазелем-Гуффье, мягко говоря, приобрели неприязненный характер, и начались постоянные конфликты, суть которых сводилась к тому, что они абсолютно по-разному понимали значение и роль создаваемой Библиотеки.

Конфликт между М.-Г. Шуазелем-Гуффье и М. И. Антоновским усугублялся и общим отношением правительственных кругов к создающейся

национальной библиотеке. Если для Екатерины II она была любимым детищем, и никто не мог посягнуть на ее бытование, то в связи с кончиной императрицы положение Библиотеки осложнилось. Отстранение от управления делами Кабинета В. С. Попова, последовавшее вскоре после смерти императрицы, передача разбора поступившего в Петербург собрания в руки лиц, не заинтересованных в воплощении ее идеи о создании государственной общедоступной библиотеки для «всеобщего просвещения россиян», ставили под удар само существование Библиотеки.

Одновременно велись переговоры о раздаче привезенных из Варшавы фондов в другие, уже существовавшие библиотеки: Библиотеку Академии наук, библиотеки Медико-хирургической и Духовную академий. Антоновский пытался предотвратить разбазаривание фондов, писал отчаянные прошения императору, влиятельным лицам. К счастью, как отмечено в истории Библиотеки, опубликованной к 100-летию, Шуазель-Гуфье не успел довести свое дело до конца [15, с. 18–19]. Граф был слишком погружен в придворные интриги, что никогда не приносит добра, и в феврале 1800 г. он был уволен с поста директора императорских библиотек, лишился и остальных должностей и был выслан в свое имение в Литве.

А Библиотека оказалась на повороте своей судьбы. Ситуацию спас граф А. С. Строганов, который 24 января 1800 г. был назначен главным директором императорских библиотек. Строганов занял непреклонную позицию, отстаивая сохранение привезенного собрания и создания на его основе национальной библиотеки, которая «в непродолжительный срок» должна быть открыта «для публичного употребления» [16].

Смена руководства Библиотекой предоставила М. И. Антоновскому случай восстановить положение главного среди сотрудников и повысить свое годовое жалование. Вероятность стать ближайшим помощником А. С. Строганова была высокой, так как он был знаком с графом с 1783 г. и оставил у него впечатление человека умного и образованного. И действительно, А. С. Строганов мыслил М. И. Антоновского в качестве главного специалиста Библиотеки, предоставив ему безграничные полномочия и полное доверие и редких книг, и финансов, и ведения переписки с вышестоящими инстанциями [17]. А тот в ряде случаев позволил себе несколько превысить круг определенных обязанностей, что вызвало неудовольствие нового директора. Усложнились и отношения Антоновского с другими кабинетскими чиновниками. Полный разрыв добрых отношений с А. С. Строгановым наступил весной 1803 г.

Еще в 1790-е гг. М. И. Антоновский перевел с французского языка и издал впоследствии в 1802 г. переписку Екатерины Великой с Вольтером, по поводу которой некто Пастухов подал на Антоновского иск в Санкт-Петербургский уездный суд, обвинив его в плагиате. Суд удовлетворил иск и предписал Антоновскому выплатить требуемую истцом сумму, добавив к ней проценты со времени напечатания книги. В апреле 1803 г. в специальном письме, поступившем на имя А. С. Строганова из Санкт-Петербургского губернского правления, сообщалось о неблаговидном поведении его сотрудника в ходе осуществления судебного процесса. В письме констатировалось, что М. И. Антоновский троекратно не являлся на заседания суда, отговариваясь плохим состоянием здоровья, а затем «прислал объяснение, наполненное дерзкими и неприличными судебному месту изречениями» [18]. Главный директор императорских библиотек был возмущен подобным поведением своего сотрудника. Инцидент завершился для М. И. Антоновского печально: с 1803 г. он был отстранен от всех дел в Библиотеке, но числился библиотечным служащим и получал жалованье до 29 октября 1810 г. Все эти годы он писал многочисленные письма разным высокопоставленным особам, в которых обвинял А. С. Строганова в несправедливом к нему отношении и даже в возникновении у него неизлечимой болезни. При этом М. И. Антоновский вновь и вновь повторял, что до этого «ужасного состояния... довели... меня заклятые враги мои французы, ожесточившие против меня клеветой свою... графа Строганова» [19, л. 7 об.]. Однако все было тщетно, 29 октября 1810 г. он был отчислен из Библиотеки с назначением «пенсии на один год в размере годового вознаграждения» [15, с. 34]. А. Н. Оленин в 1812 г. выхлопотал ему пожизненную пенсию, которую по его смерти должны были получать его жена и дети.

Находясь на службе в Императорской Публичной библиотеке, М. И. Антоновский продолжал заниматься литературной деятельностью. Труды Антоновского, большую часть которых составляют вольные переводы, были посвящены вопросам истории, географии, носили в значительной степени масонский характер и не оставили в истории литературы какого-либо заметного следа.

Тем не менее в воссоздании российской истории М. И. Антоновскому принадлежит весьма своеобразная роль, связанная с именем А. В. Суворова. Известно, что у генералиссимуса не было крупных обобщающих военно-теоретических сочинений. М. И. Антоновский опубликовал в виде отдельного сборника ряд его писем и наставлений солдатам, дав еще при жизни

А. В. Суворова этому сборнику название «Наука побеждать» [20, с. 12]. С тех пор это знаменитое название навсегда закрепилось за Суворовым.

Как это было принято в те времена, многие свои книги М. И. Антоновский посвящал императорам или наследникам престола. Однако в его личных бумагах, хранящихся в ИРЛИ, сохранились записи, в которых присутствуют и совсем иные мысли. Он не обнаруживает ни малейшего почтения к царствующим особам. В набросках под названием «Начертание» он в слегка завуалированной форме сообщает о нецарском происхождении Екатерины II, Петра III, Павла I, которого он называет «судомойкиным сыном», и выносит им безжалостный приговор: «Когда толь подлая, низкая, злокозненная, гнусная, вредная человечеству всему и разрушившая все его благоденствие порода занимает в Европе престолы, так, скажите, грех ли истребить оную? – Посадить вместо оных прямо достойных быть старейшинами, князьями, повелителями, царями? – Отвергнем себялюбие, адскую кичливость, попечемся о миллионах собратий наших – Человеков! Посадим на престол достойнейших из нас, не по их самомнению о себе, но по единодушному, беспрепятственному, ничем не стесняемому выбору нашему!!! Иначе страдания наши, – всего рода человеческого не кончатся, – и будем ожидать пришествия Царствия небесного и к нам на землю!.. Туне!» [21]. Совсем иначе, чем надлежало царедворцу, выглядят стремления этого человека, изложившего свои тайные мысли! Трудно себе даже представить, какие последствия для Антоновского могли бы быть, если бы подобные слова дошли до тех, о ком они были написаны. Как, порой, далеки оказываются мысли, раскрытые в бумагах, не предназначенных для публикации, от тех, что высказываются в напечатанных работах!

А нас интересует прежде всего его роль в истории Императорской Публичной библиотеки. Можно, вне всякого сомнения, утверждать, что это особая, никому более не присущая роль одного из ее создателей, пожалуй, наиглавнейшего в начальный период ее существования. Искренне поддерживающий созидательные устремления Екатерины II в деле просвещения нации и создания национальной библиотеки как символа интеллектуальной мощи России, М. И. Антоновский все силы направил на борьбу за сохранение ее фондов, составил первоначальные уставные документы зарождавшейся библиотеки, сформулировал ее название, отразившее суть создаваемого книгохранилища, разработал схему организации ее фондов и высочайшие требования, предъявляемые к ее сотрудникам. Многие фразы, которые с глубоким

пониманием сущности создаваемой небывалой до тех пор в России библиотеки он использовал в своих записках и документах, стали крылатыми и используются и поныне.

Михаил Иванович Антоновский умер 22 июня 1816 г. Его похоронили на Смоленском кладбище в Петербурге недалеко от Смоленской церкви на Прямой дорожке. Вплоть до 1980-х гг. на металлической раме, прислоненной к большой липе в изголовье могилы, была приделана фанерная дощечка с надписью «Михаил Иванович Антоновский – основатель С.-Петербургской Публичной Библиотеки» (нельзя же было в советское время написать «Императорской!»). Липа состарилась и обветшала, ее срубили. Только неравнодушный к судьбам последних мест упокоения сотрудников Библиотеки заведующий Отделом редких книг Николай Викторович Николаев успел сфотографировать этот последний знак памяти удивительному подвижнику Императорской Публичной библиотеки. Доска сохранилась лишь на старой фотографии.

Долгое время могила основателя Императорской Публичной библиотеки была заброшена. Каменная плита покосилась и постепенно зарастала. На все просьбы разрешить провести восстановительные работы администрация кладбища обоснованно отвечала отказом, ссылаясь на то, что сотрудники Библиотеки не являются родственниками и не имеют формального права вмешиваться в реставрацию захоронения.

И все-таки высшая справедливость существует! Осенью 2017 г. на адрес Отдела истории библиотечного дела пришло по электронной почте письмо. Оказалось, что в Москве живет прапраправнук Михаила Ивановича, Андрей Маркович Антоновский, который интересуется историей своего рода. Он прочитал на сайте Российской национальной библиотеки справочную статью о своем пращуре, написанную в 1995 г. Леонидом Александровичем Шиловым, – человеком, первым поставившим себе целью вернуть имя М. И. Антоновского на принадлежащее ему по праву место основателя Императорской Публичной библиотеки [22]. С А. М. Антоновским завязалась оживленная переписка. От сотрудников Библиотеки он получил фотографию портрета М. И. Антоновского, висящего в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, узнал и о месте его захоронения, и о тщетных попытках восстановить заброшенную могилу. Он в силу своих возможностей привел захоронение своего пращура в порядок. И сегодня на каменном надгробье стоит мраморная памятная табличка с надписью «Антоновский Михаил Иванович – основатель Санкт-Петербургской Публичной библиотеки».

Список литературы

1. Антоновский М. И. Записки Михаила Ивановича Антоновского // Русский архив. 1885. № 2. С. 143–178.
2. Антоновский Михаил Иванович // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1900. Т. 2. С. 228.
3. Шевырев С. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755–1855. Москва, 1855. XII, 584 с.
4. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Москва; Ленинград, 1951. 544 с.
5. Бахтияров А. А. История книги на Руси. Москва, 2010. 303 с.
6. Западов В. А. Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? // XVIII век / ИРЛИ (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург, 1993. Сб. 18. С. 131–155.
7. Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Вечерняя заря» (1782) // XVIII век / ИРЛИ (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург, 2011. Сб. 26. С. 169–487.
8. Илизаров С. С. Московская интеллигенция XVIII века. Москва, 1999. 369 с.
9. Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева // А. Н. Радищев: материалы и исследования. Москва; Ленинград, 1936. С. 213–289.
10. Пичугин П. П. Основные тенденции развития книгоиздательства и распространения книги в России в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. 259 с.
11. Антоновский М. И. Начертание Российской-императорской открытой библиотеки // Отдел архивных документов (ОАД) РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1797. Ед. хр. 1. Л. 14–21 об., 27–38.
12. Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России, XI – начало XX века. Санкт-Петербург, 2018. 346 с.
13. Вольфцун Л. Б. 1797–1800. Мари-Габриель-Флоран-Огюст де Шуазель-Гуффье // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 10–29.
14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 603. Ед. хр. 107. Л. 41 об.–42 об.
15. Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. Санкт-Петербург, 1914. 481, XXVI с.
16. Ландер И. Г., Михеева Г. В. 1800–1811. Александр Сергеевич Строганов // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. Санкт-Петербург, 2006. С. 30–49.
17. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1797. Ед. хр. 1. Л. 9–9 об.
18. ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1797. Ед. хр. 2. Л. 18.
19. Дело о назначении пенсии библиотекарю М. И. Антоновскому. 1–26 февраля 1812 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 15. Ед. хр. 21. Л. 7 об.
20. Суворов А. В. Наука побеждать: письма. Переизд. 1809 г. Вятка, 2011. 141 с.
21. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отдел рукописей. Ф. 405. Ед. хр. 4. Л. 221.
22. Шилов Л. А. Антоновский Михаил Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. слов. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 54–58.

References

1. Antonovsky M. I. Notes of Mikhail Ivanovich Antonovsky. Russian archive. 1885. 2, 143–178 (in Russ.).
2. Antonovsky Mikhail Ivanovich. Russian biographical dictionary. Saint-Petersburg, 1900. 2, 228 (in Russ.).
3. Shevryev S. History of the Imperial Moscow University, written for its centenary, 1755–1855. M., 1855. XII, 584 (in Russ.).
4. Makogonenko G. P. Nikolay Novikov and Russian education of the 18th century. Moscow; Leningrad, 1951. 544 (in Russ.).
5. Bakhtiarov A. A. History of the book in Russia. Moscow, 2010. 303 (in Russ.).
6. Zapadov V. A. Was Radishchev the author of «Conversations about the Son of the Fatherland»? XVIII century / IRLI (Pushkin House). Saint-Petersburg, 1993. 18, 131–155 (in Russ.).
7. Simankov V. I. From searches about the journal «Evening Dawn» (1782). XVIII century / IRLI (Pushkin House). Saint Petersburg, 2011. 26, 169–487.
8. Ilizarov S. S. Moscow intelligentsia of the 18th century. Moscow, 1999. 369 (in Russ.).
9. Semennikov V. P. Literary and social circle of Radishchev. A. N. Radishchev: materials and research. Moscow; Leningrad, 1936. 213–289 (in Russ.).
10. Pichugin P. P. Basic trends in the development of book publishing and book distribution in Russia in the 18th century: dis. on competition of sci. degree PhD in history. Moscow, 2003. 259 (in Russ.).
11. Antonovsky M. I. Inscription of the Russian-Imperial Open Library. Department of Archival Documents of the National Library of Russia (DAD NLR). F. 1. Op. 1. 1797. 1, 14–21 turn., 27–38 (in Russ.).
12. Vaneev A. N. Development of library science thought in Russia, XI–early XX century. Saint-Petersburg, 2018. 346 (in Russ.).
13. Wolfstun L. B. 1797–1800. Marie-Gabriel-Florent-Auguste de Choiseul-Guffier. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint-Petersburg, 2006. 10–29 (in Russ.).
14. Department of Manuscripts of NLR. F. 603. 107, 41 turn. – 42 turn. (in Russ.).
15. Imperial Public Library for 100 years (1814–1914). Saint-Petersburg, 1914. 481, XXVI (in Russ.).
16. Lander I. G., Mikheeva G. V. 1800–1811. Alexander Sergeevich Stroganov. History of the Library in the biographies of its directors, 1795–2005. Saint Petersburg, 2006. 30–49 (in Russ.).
17. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1797. 1, 9–9 turn. (in Russ.).
18. DAD NLR. F. 1. Op. 1. 1797. 2, 18 (in Russ.).
19. The case of the appointment of a pension to the librarian M. I. Antonovsky. February 1–26, 1812. Russian State Historical Archives. F. 733. Op. 15. 21, 7 turn. (in Russ.).
20. Suvorov A. V. Science to win: letters. Reiss. 1809. Vyatka, 2011. 141 (in Russ.).
21. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Department of Manuscripts. F. 405. 4, 221 (in Russ.).
22. Shilov L. A. Antonovsky Mikhail Ivanovich. Employees of the National Library of Russia – scientists and cultural workers: biogr. words. Saint Petersburg, 1995. 1, 54–58 (in Russ.).